

То чрезвычайно далекое место, о котором говорил Усинь, оказалось небольшим холмом неподалеку от города. На его вершине стоял полуразрушенный храм. Слова, написанные на его воротах, давно стерлись. Внутри храма стояла статуя Будды, у которой не доставало руки. Храм был давно заброшен.

Усинь сидел на крыше, и белые одежды его трепал ветер. Юноша задумчиво смотрел вдаль – туда, где лежало самое сердце страны Юйтянь.

— На что смотришь? — Лэй Уцзэ вспрыгнул на крышу и присел рядом.

— На страну Юйтянь, — Усинь кивнул на город неподалеку.

— На что? — не понял Лэй Уцзэ.

— Думаешь, они нищие? — спросил Усинь.

Лэй Уцзэ немного задумался, а потом кивнул. Так и было. По сравнению с цветущим городом Саньгу или Било, приграничным городом свободной торговли, в стране Юйтянь все города, через которые они проходили, полнились нищими жителями или монахами-аскетами.

— И все же старый монах всегда хотел вернуться сюда, — тихо вздохнул Усинь.

Лэй Уцзэ растерянно моргнул. Не понимая слов Усиня, он лишь согласно протянул:

— О-о-о...

— Старый монах был родом из страны Юйтянь. К шести годам он выучил все буддийские тексты. И тогда он пришел ко главе храма Дафаньинь, Сюйвану, и сказал: "Моя страна бедна, а на лицах ее жителей нет улыбки. Почему путь совершенствования наполнен столькими страданиями? Неужели мы все рождены в этом мире для того, чтобы бесконечно страдать?".

— И как же глава Сюйван ответил ему?

— Он сказал: "Цветение прекрасно, но за ним неизбежно следует увядание. Пройдут сотни веков, и человек проживет сотни жизней. Неужели в них не будет страданий? Как может в мире не быть страданий? Жизнь непредсказуема, она постоянно меняется... и только потому, что в ней есть страдание, в ней будет и радость. Без одного невозможно другое".

Лэй Уцзэ немного помолчал и честно ответил:

— Я не понял ничего из того, что ты сказал.

— Старый монах тоже тогда не понял, что сказал ему глава Сюйван. Так что в шесть лет он покинул страну Юйтянь и отправился бродить по миру в поисках ответа. До сорока лет он ходил по разным землям, пока наконец не начал проповедовать в храме Ханьшань. Но у него все же оставался вопрос, ответ на который он так и не смог найти. Что, если убийство одного человека может спасти миллионы других? Но тот, кого надо убить – невинная жертва. Убьешь ли ты тогда этого человека?

— Я... — Лэй Уцзэ не знал, как ответить.

— Если бы это был я, то я бы убил того человека, — лениво вставил слово Сяо Сэ, сидевший на ступеньках перед храмом.

— Когда я был еще совсем юн, во сне мне привиделось, что передо мною кто-то стоит. Я в страхе распахнул глаза и увидел, что передо мной стоит старый монах с кинжалом в руке. Он хотел убить меня, но не смог, — Усинь вздохнул. — После этого он основал зал Лоча. Его желанием было привести меня на путь буддизма через путь дьявола. И все же старый монах не знал, поступил ли он правильно или нет... и эта неуверенность его погубила.

— Кажется, я знаю, кто ты, — вдруг сказал Сяо Сэ.

— Как и всегда, знания брата Сяо обширны, — рассмеялся Усинь. — Но я до сих пор не могу догадаться, кто же он.

— Твоя фамилия Е.

— Ты верно догадался. До того, как я вступил в храм Ханьшань, моя фамилия действительно была Е. Меня звали Е Аньши. Я был сыном Е Динчжи.

— Е Динчжи? Глава дьявольского учения?! — удивленно воскликнул Лэй Уцзэ.

— Чтобы Тяньвай Тянь, город Сюэюэ, все буддийские секты мира и даже люди из дворца императора обратили внимание на одного человека... Как ни посмотри, он должен быть связан с Е Динчжи.

— Так что же это за Тяньвай Тянь? — полюбопытствовал Лэй Уцзэ.

— Все знают, что двенадцать лет назад люди, следующие дьявольскому учению, начали карательный поход на восточные земли. Но кто из ныне живущих знает, кто были на самом деле эти люди? Дьявольскому учению следовали тридцать закрытых сект, находящихся за границами. Самая главная среди них – Тяньвай Тянь. Предыдущий глава дьявольского учения был Е Динчжи, глава Тяньвай Тянь. После провала карательного похода он заключил договор с мастерами боевых искусств с Центральной равнины. Они условились, что за следующие двенадцать лет люди, следующие дьявольскому учению, не ступят на территорию Центральной

равнины. Поговаривали, что не обошлось дело без заложника со стороны вторженцев. Судьбы его на протяжении последних двенадцати лет была не известна. И я думаю, что им был ты.

— Это так. В пять лет я последовал за отцом на восток. После провала нашего похода меня забрал мастер Ванью. Сегодня двенадцать лет договора истекли, и я должен был вернуться в Тяньвай Тянь. Но никто не знает, начнет ли вновь Тяньвай Тянь вторжение на территории Центральной равнины, если я вернусь. Так что появились люди, которые хотели меня покалечить. Появились и те, кто хотел меня посадить за решетку... Но появились и желающие просто убить меня.

— Ну а ты? Что ты теперь будешь делать?

— Я хочу вернуться в храм Ханьшань и вновь услышать, как старый монах поет мантры, — усмехнулся Усинь.

На миг Сяо Сэ ошеломленно замер. Спрятав пальцы под широкими рукавами шубы, он поднялся со ступеней и окинул взглядом страну Юйтянь вдалеке.

— Все, жизнью недовольные, получают тысячи лет мучений, — тихо пробормотал он.

— Двенадцать лет истекают, и все начнут действовать. Старый монах знал, что никак не сможет их остановить, и постоянные волнения свели его с ума.

— Думаю, человек, что пришел тогда, был Клинком, пробивающим пустоту, Ван Жэньсунем, — предположил Сяо Сэ.

— Да. Ван Жэньсунь в те годы был близким другом отца. Он был учеником школы Тяньшань и пытался убедить отца не ходить на восток, но у него не вышло. В конце концов он бросил все и ушел, но школа заставила его принять участие в битве с людьми отца. После нее Ван Жэньсунь ушел из школы Тяньшань, сказав, что его долг школе был оплачен. Тогда его наставником стал глава Сюйван из храма Дафаньинь. И если бы тогда Ван Жэньсунь не ушел из школы, то уже стал бы ее главой.

— Так высоко ценил верность и дружбу... — восхищенно закивал Лэй Уцзэ.

— Завтра ты умрешь, — вдруг сказал Сяо Сэ. — Тебе лучше сейчас же найти самого быстрого коня и не оглядываясь скакать на восток.

— Если бы я правда хотел сбежать, то сделал бы это еще в деревне Мэйжень, — усмехнулся Усинь. — Я уже говорил, что у меня еще осталось незавершенное дело... Старый монах всегда говорил, как он скучает по этому месту. И теперь, когда от него не осталось даже тела, я должен привести сюда хотя бы его душу.

— Ритуал, который будут проводить завтра триста монахов, наведет переполох во всей стране Юйтянь. И храм Цзюлун так близко... Ты уверен, что сможешь убежать от его монахов?

— Как только мы окажемся на той стороне, мы перережем веревки моста, — Усинь поднялся, и ветер вскинул вверх белые рукава его рясы.

— Но у меня все еще остался вопрос, ответ на который я никак не могу найти, — сказал Сяо Сэ.

— О? Ты знаешь о Тяньвай Тянь, Ван Жэньсуне и даже о том, что евнух Цзинь Сянь – Шэнь Цзинчжоу, владелец меча Фэнсюэ. Я, по правде сказать, думал, что нет ничего, что бы ты не знал.

— Я никак не могу понять, зачем ты взял с собой нас двоих, — Сяо Сэ указал на себя и Лэй Уцзэ. — Мы никак со всем этим не связаны.

— Точно! Если тебе так нужны были помощники, то взял бы ты лучше тех двух мастеров из Тяньвай Тянь, — согласился Лэй Уцзэ.

— Неужели я не упоминал раньше? У меня нет денег. Взгляните на себя: один носит шубу, стоящую целое состояние, другой – одет в плащ из ткани огненного феникса. Даже слепой поймет, что вы оба хорошо обеспечены, — Усинь развел руками.

— Ты, монах, то и дело говоришь ложь своим языком, — беспомощно покачал головой Сяо Сэ.

"Ну и вы двое очень похожи в этом", — пробормотал про себя Лэй Уцзэ.

Усинь подошел к краю крыши. Ветер раздувал парусами его рукава. Тусклый лунный свет пробивался сквозь пелену туч и окутывал фигуру юного монаха. Вдруг он запрокинул голову к небу и расхохотался. Будто вторая его смеху, полы его рясы захлопали на ветру.

— С попутным ветром на север далекий я пойду

И как снег ковром укрывает Сюаньюань увижу.

Сев в лодку, на восток уплыть хочется мне

Туда, где небожители купаются в ветре.

На облако ступлю и пройду так сотни ли.

Споют ли во дворце тогда обо мне флейты?

Гребни Куньлунь огромны, купаются в свету,

И их зеленые горы с морского дна увижу.

Домой вернется ласточка чрез десятки, сотни ли.

Но я не возвращусь, пока не дойду до края земли!

Усинь опустил голову и потрянул рукавами. Сяо Сэ неподвижно смотрел на него. В глазах друг друга они видели свое отражение.

— Я не умру, — твердо сказал Усинь. — Мне еще есть куда идти.

<http://tl.rulate.ru/book/27215/1201432>